

Евангелие от Толстого

Сергей Зимовец

В контексте, связанным с повестью Л.Н. Толстого «Крейцерова соната», присутствуют два примечательных фактора, существенным образом влияющие на восприятие повести и интерпретацию ее инфраструктурных элементов. Я имею в виду отрывок из Евангелия от Матфея (19:12) в начале повести и послесловие (в издании 1891 года), в котором Толстой прямо осуждает сексуальную жизнь даже в браке, не говоря уже о внебрачных отношениях, при этом сексуальность расценивается как унижающее человека греховное влечение.

Характерно, что цитируемая Толстым часть из Евангелия принадлежит к главе, которая стала основой веры русских скопцов, считавших, что освободиться от сексуальной греховности возможно только через кастрацию. Если соотнести эти смыслы с повестью «Отец Сергей», в которой отсекается «один из членов» для преодоления сексуального влечения, то возникает еще один устойчивый горизонт прочтения. Конечно, «скопцовство» Толстого имеет символический характер, поскольку Толстой все же признает половые отношения для целей деторождения. Т.е. сексуальная жизнь для него имеет специфический двойственный статус. Толстой как бы «мягкий», духовный скопец, в противоположность телесным скопцам-экстремистам типа Г. Меньпенина.

Зачатие детей - неотменяемая необходимость рода человеческого, сексуальный аскетизм - средство противостояния греховному вождению. Эта бинарная логика Толстого определяется лишь отчасти *борьбой морали за целомудрие*. Но другим мотивом - бессознательного характера - никак не может являться *сексуальный конфликт писателя с объектом своего желания*. И вот почему. Что имеется в виду под «объектом желания»? Аргументация от «истории Позднышева» представляется здесь весьма малоубедительной. Более того, аналитически пристальное прочтение повести недвусмысленно показывает, что вовсе не женщина была главным объектом желания Позднышева. Скорее таким объектом выступает Трухачевский. Обратим внимание хотя бы только на описательную сторону либидозных «объектов». Жена Позднышева фактически не имеет в его рассказе ни одного прямого описания, лицевости. Эта нере-

презентативность женского объекта желания значительно уступает яркости и выразительности мужского объекта. В статье Юлии Бувар есть ценное замечание об элементах гомосексуальности в отношении Позднышева к Трухачевскому. Я думаю, что вопрос можно поставить радикальнее: именно гомосексуальность главного героя и есть ключ к пониманию драматической интриги его метаний, ревности и ненависти к женщине. Латентная гомосексуальность Позднышева как выражение бессознательной позиции Толстого является вторым существенным мотивом для понимания двойственного статуса сексуальности в мировоззрении писателя.

Латентный гомосексуализм Толстого явно дает знать о себе на протяжении всего творчества, начиная с рассказа волонтера («Набег»), где собрана масса характерных гомосексуально инвестированных описаний молодого Толстого: «...Проскакал мимо очень хорошенький и молоденький юноша в офицерском сюртуке и высокой белой папахе... он как-то особенно грациозно сидел на седле и держал поводья... у него были прекрасные черные глаза, тонкий носик и едва пробивавшиеся усики... Хорошенький прапорщик был в восторге; прекрасные черные глаза его блестели отвагой, рот слегка улыбался... сказал он голосом, звучащим таким нежным участием...»

Подавление именно этой сексуальности у Толстого оборачивается скрытым и явным женоненавистничеством, отрицанием и избеганием полового влечения к женщине в качестве низкого, унижительного, животного, т.е. морально и эстетически отвратительного вождения. От прапорщика до Пьера Безухова можно было бы выстроить целую галерею женских мужчин, репрезентирующих латентную ориентацию Толстого. На другом полюсе восхищения и преклонения, в качестве абсолютных мужских объектов, идентификационная нехватка которых ощущается в психической организации Толстого, выступают народные (простые) и исторические (исключительные) герои от капитана из «Набега» до генералов, фельдмаршалов и императоров зрелого творческого периода. Особый эффект возникает, когда эти типы встречаются в общем текстуальном пространстве («Кавказский пленник»). Не случайно и то, что основное пространство проявления мужского сосредоточено на военных действиях, как не случайно и то, что сам Толстой (по собственному выбору) служил артиллеристом - в составе фаллических объектов машины войны.

Духовное, мировоззренческое скопцовство Толстого коррелирует с навязчивым бессознательным интересом к исследованию мужественности и бегству от женщины. Если вспомнить замечательную работу Б. Эйхенбаума «Творческие стимулы Л. Толстого», в которой он подмечает анальную пристрастность писателя к постоянной переделке текстов и паранойяльную творческую настойчивость или «волю к героизму», некому пафосу обладания миром, то уме-

стно было бы отметить, что гомосексуальные тенденции, как правило, зачастую соседствуют с паранойяльными симптомами.

Испытывать влечение к женским мужчинам и быть «матерым человечком» - вот психоструктурные элементы личности, которые задавали скрытые творческие приоритеты Толстого, и на которые я хотел бы обратить внимание при обращении к теме сексуальности в его произведениях.